

Часть:

МЕСЯЦЕМ

ТРИ РАССКАЗА Ф. Абрамова обратят на себя внимание читателей, казалось бы, уже избалованных содержательностью журнальной периодики последних месяцев. Один из этих рассказов принадлежит к высшим достижениям писателя в этом жанре. С него и начну.

В рассказе «Старухи» нет литературных ухищрений, формальных новаций. Простота здесь, можно сказать, нарочитая. И рассказчика, повествователя, отдельного от автора, мы не найдем. Писатель делится с нами эпизодом очередной поездки в родную деревню, представляет нескольких деревенских старух. Пожалуй, «заезженный» сюжет. Кто не бывает в родных местах, не клянется в любви к ним?! Но в том чудо искусства, что оно способно наполнить старые мехи новым вином. Рассказ потрясает. И причин тому несколько.

Писатель любит своих старух, они чувствуют эту любовь, видят в Олександровиче — так они зовут Абрамова — родного человека. Их разговор идет на равных. Автор подчеркивает не превосходство свое (писатель, образованный человек), а вину перед этими великими труженицами. Вину за то, что не оберег их, не смог облегчить жизнь, о которой не от других слышал. Он не только знает, что Фиклистова тридцать лет обряжалась с коровами, с первых колхозных лет, он запомнил тяжкую сцену возвращения скотины домой: «Лошаденка, выбившаяся из сил, застряла в грязи посреди дороги. Ее стегали, били, упрашивали, умоляли — все бесполезно. И тогда что же сделала, полубосая, закончившая Фиклистова? Взвалила бидон с молоком на спину и пошла-пала, закачалась по лесной дороге».

Чтобы так писать, так видеть, нужно быть не командированным в деревню, не «вышедшим» из нее, но оставшимся в

ней — душой, сердцем. Абрамову не нужна записная книжка, чтобы сделать в ней пометки о своих героинях. Он все помнит. Не забыл, как летним вечером сорок второго (писатель не обмолвился, что не на побывку приехал домой, а долечивался после тяжелых ранений) увидел кружившуюся по песчаному пустырю Окулю, нынешнюю «румянощеку, гладкую старуху». Она плакала, не могла найти дорогу из-за поразившей ее куриной слепоты. «И тогда, — пишет Абрамов, — я взял ее за руку и, как малого ребенка, повел домой».

Авторское участие, авторский голос, присутствие Абрамова и его отношение к прошлому и настоящему проходят через весь рассказ. Не к читателю обращается Абрамов, мы слышим непроизнесенный

внука оставался висеть знакомый старшему и среднему поколению портрет, в ту пору уже повсюду снятый, — «влажный зачес назад прямых, еще темных волос над низким и узким лбом, тяжелые каменные скулы азиата и по-отечески ласковые, в легком прищуре глаза...»

Портрет напоминал о прошлом, с которым не просто расстаться. Не расстались с этим прошлым и старухи. Они не подлинут «защитную» бумагу, скажут, что и двенадцатирублевой «пенсии» хватит на хлеб да сахар... и еще добавят, что не хотят подводить близких. Поди объясни им, что не те времена. У них свой опыт и своя память...

Своя память и у Крутовых, героев рассказа «Франтик», теперь уже взрослых

Тревожная совесть

внутренний монолог, адресованный этим старухам. И вот приоткрывается еще одна судьба. «Марья Тихоновна, прости. Не хотелось бы называть тебя лишней раз уличным именем Репка, но как не вспомнить сейчас, за что ты отсидела до войны пять лет. За релки, которые ты сорвала на колхозном поле. Сорвала для того, чтобы заткнуть рот голодным ребятишкам — будущим солдатам Родины, трое из которых так и не вернутся с войны...»

Фиклистова, Окуля, Репка... И еще одна — Оля-дева, обезножившая от тяжелой работы на лесославе. Снова горькое обращение к старой женщине, живущей в маленькой «избушке-задворенке» на двенадцатирублевую пенсию. «Ну чего ты сидишь, жмешься, как сирота, у самых дверей? Почему не подойдешь к столу? Нет, не подойдет Оля-дева к столу, сколько ни зови. С места не сдвинется сама».

Уже не однажды писал Абрамов старух в других своих рассказах, воздал им за терпение, отзывчивость. Но и здесь что ни человек — характер. В этих судьбах видны веки трудной крестьянской жизни в тридцатые — пятидесятые и, может быть, что еще важнее, след прожитого, оставшийся в сознании навсегда. Тут вернее всего сказать о деформации личности в условиях, когда всякое проявление инициативы становилось опасным. Кульминация рассказа — эпизод, в котором Абрамов хочет помочь своим героиням.

Здесь же, в избе тетки Любавы Лазаревны (ее трудовой стаж — восемьдесят лет, как взяла в пять лет грабли, так и не выпускает), пишет автор письмо в Верховный Совет с просьбой повысить пенсию старым труженицам и тем разорвать порочный круг: «Дикая, чисто чиновничья логика! Раз тебе годами ничего не платили за твою работу, раз у тебя годами задаром забирали выращенный тобою хлеб, молоко, масло, овощи, значит, тебе не положено и нормальной пенсии...» Письмо писал Абрамов вдохновенно, как и всегда, вмешиваясь в дела других, помогая, подбадривая, — я на себе узнал эти его качества... Он не покушался в эти минуты, написанном от имени старух, из государственных рубли, предлагал иной путь. Оставалось эту бумагу подписать. Но ведь совсем не случайно в избе тетки Любавы между иконой и фотографией

людей, а тогда, в начале тридцатых, малых детей, которых тоже коснулась тень человека с «тяжелыми каменными скулами». Построение рассказа совсем иное. Абрамов как бы передает услышанную от Мирона Крутова историю, вернее, мы вместе с автором слышим ее. Но легла она и на абрамовский опыт, воспоминания о той поре, когда 12-летнего Федю не приняли в среднюю школу, потому что мать со своими мальцами выбилась в «среднячки»...

Во «Франтике» Мирон рассказывает, как вся семья ходила в беглецах, чтобы, не будучи кулаками, не попасть под раскулачивание. Тут значительна каждая малая подробность, характеризующая искривления суровой эпохи. Иные фразы нынешние молодые люди прочитают с тем же чувством изумления, открытия и боли, с каким смотрят фильм «Покаяние» и читают лишь недавно опубликованную поэму Твардовского: «В общем так, в тридцать пятом году дело было. Отец и мама тогда еще паспорта не имели. Жили, как говорится, на нелегальном положении». Так сложилась судьба семьи красного партизана, который в Сибири Советскую власть ставил...

Своя память у абрамовских старух, у Мирона Крутова, своя — искаженная — у Витки Степанищева из рассказа «А война еще не кончилась». Уже став взрослым, бывший мальчишка военных лет так и не уразумел, какую цену заплатила мать, чтобы в голодуху ее дети не перебывались мхом да сосновой кашей... Этот небольшой рассказ эскизен, нет в нем характеров. Прошлое и настоящее сведены в резком фокусе — а война еще не кончилась.

Абрамов не льстил своим героям, не улучшал нашу историю. Правду о ней говорил, создавая характеры Пелагеи, Евдокии-великомученицы, веркольских старух. Но горькие его рассказы, трезвый взгляд, правдивое слово оставляли место для веры в свой народ, в неизбежность обновления. Не случайно даже печальная история, изложенная во «Франтике», завершалась словами: «И еще в эти минуты я думал: через какие беды, через какие испытания мы прошли, а живем, да еще и миру светим».

Александр РУБАШКИН

Федор АБРАМОВ.
РАССКАЗЫ. Журнал
«Наш современник»,
№ 3, 1987.